

УДК 373.014.5(47)

ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (1917–1930-е гг.)

О. И. Ершова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
ershova@bsu.by*

Образование выступает не только как объект, но и как субъект в процессе трансформации общества. Оно ускоряет этот процесс, способствует росту самосознания общества, изменению его социальной стратификации, просвещению народа. Эта роль образования ярко проявилась после Октябрьской революции 1917 г. в Советской России. Школьная политика советского правительства была направлена на превращение школы в «орудие коммунистического перерождения общества», на воспитание поколения, способного построить коммунизм. Общеобразовательная школа сыграла важную роль в решении политических, социально-экономических и социокультурных задач в процессе создания социалистического общества.

Ключевые слова: школьная политика; советское общество; общеобразовательная школа; всеобщее обязательное обучение; социальное воспитание; коммунистическое воспитание.

SCHOOL POLICY AS A TOOL FOR THE TRANSFORMATION OF THE SOVIET SOCIETY (1917–1930s)

O. Erchova

*Belarusian State University, 4, Niezaležnasci avenue, Minsk 220030, Belarus,
ershova@bsu.by*

Education acts not only as an object, but also as a subject in the process of transforming society. It accelerates this process, contributes to the growth of self-consciousness of society, changes in its social stratification, and enlightenment of the people. This role of education was clearly manifested after the October Revolution of 1917 in Soviet Russia. The school policy pursued by the Soviet government was aimed at turning the school into an “instrument for the communist regeneration of society”, educating a generation capable of finally establishing communism. The general education school played an important role in solving the political, socio-economic and socio-cultural tasks of creating a socialist society.

Keywords: school policy; soviet society; comprehensive school; universal compulsory education; social education; communist education.

Важной составляющей внутренней политики государства в XX в. становится школьная политика. Она представляет собой совокупность законодательных, идеологических, административных, педагогических и общественных акций в области образования, которые проводятся государством,

различными профессиональными и общественными союзами, движениями, социальными институтами для достижения определенных социально-экономических, политических, культурных и педагогических целей [3].

Пришедшая к власти в России в результате Октябрьской революции 1917 г. Коммунистическая партия (большевиков) рассматривала реформирование сферы народного образования как важнейшее условие построения в стране нового коммунистического общества. Структура школьной политики советской власти включала определение целей и задач, выбор и обоснование средств и методов достижения целей и задач, а также их практическую реализацию на уровнях законодательной, административно-управленческой и школьной практики. Основные цели и задачи школьной политики определялись Коммунистической партией на съездах, совещаниях, пленумах Центрального комитета (далее – ЦК), на основании решений которой органы государственной власти принимали соответствующие законодательные и исполнительные акты в сфере народного образования [2].

В общеобразовательной школе партия видела «орудие коммунистического перерождения общества» [2, с. 11]. Поскольку дореволюционная школа, рассматривавшаяся как «орудие классового господства буржуазии», такую роль играть не могла, ее разрушение стало главной задачей школьной политики в 1917–1920 гг. В течение 1918 г. был осуществлен переход школ всех ведомств в ведение государства, началась их трансформация в единую трудовую школу [5, с. 12–16]. Проект ее создания получил законодательное закрепление в Декрете ВЦИК РСФСР от 16 октября 1918 г. «Об единой трудовой школе РСФСР (Положение)», определившем стратегию школьной политики. Декрет провозгласил такие принципы школьного образования, как общедоступность, бесплатность, светскость, совместное обучение мальчиков и девочек. Школа становилась общеобразовательной, политехнической, а основой школьной жизни объявлялся производительный труд. Трактовка содержания и методов обучения предоставлялась специалистам на местах [5, с. 133–136]. Главным итогом школьной политики на данном этапе стала монополизация государством школьного дела: «В общем аппарате пролетарского государства школа, как таковая – всех ступеней и типов, – является одной из важнейших частей государственного механизма», – писал Б. А. Плюснин-Кронин [цит. по: 9, с. 23].

Школьная политика советской власти в 1920–1930-х гг. детерминировалась стратегическими задачами строительства нового общества и корректировалась в зависимости от конкретных задач, которые стояли перед страной на определенном этапе [2, с. 347–349; 356–363]. Школа рассматривалась одновременно как объект и субъект социальных трансформаций. В соответствии с решениями партийно-государственного руководства изменялись ее организационная структура, содержание и методы обучения. С этой точки зрения исследователи выделяют две модели советской школы: «школа труда» 1920-х гг. и сменившая ее в 1930-е гг. «школа учебы» [10, с. 257].

Советская «школа труда» противопоставлялась дореволюционной школе, которую идеологи называли школой схоластической учебы, оторванной от жизни. В советской школе предпринимались попытки соединить обучение с производительным трудом и профессиональной подготовкой [2, с. 347–348; 358–361]. Первое партийное совещание по народному образованию (декабрь 1920 – январь 1921 г.) признало основной общеобразовательной школой семилетнюю, трудовую, общеобразовательную, политехническую школу с двумя концентриками (I – 4 года обучения для детей от 8 до 12 лет, II – 3 года обучения для детей 13–15 лет). Содержание образования в советской школе адаптировали к требованиям марксистской идеологии и методологии. [2, с. 347–348]. В 1923–1931 гг. содержание в «школе труда» определялось так называемыми комплексными учебными программами, отвергавшими предметное обучение. Объем знаний в них был представлен в виде единого комплекса сведений о природе, труде и обществе, в основе образовательного процесса лежало изучение трудовой деятельности людей. При этом образовательная работа в школе объединялась с общественно-хозяйственной жизнью региона: школа оказывала помощь в ликвидации неграмотности, организации детских яслей, проведении переписей, разверсток и т. п. Авторы программ считали, что в результате у учащихся сформируется материалистическое понимание взаимоотношений между человеком и природой, человеком и обществом, экономикой, политикой и культурой, ориентация на социализм, кроме того, школа обеспечит повышение культурного уровня жизни общества [9, с. 24–26].

В 1929–1931 гг. в условиях «борьбы за досрочное выполнение первой пятилетки» школьная политика отличалась радикальным курсом: поощрялся переход школы на проектно-комплексный метод преподавания, превращение ее в «отделение колхоза» и «цех завода», систематическое участие школьников в производительном труде, втягивание их в общественно-политические компании, в осуществление коллективизации [4; 8, с. 232–236]. Это привело к недостаточному владению выпускниками школы основами наук и к неудовлетворительной общеобразовательной подготовке к поступлению в техникумы и вузы, что грозило срывом плана подготовки специалистов для народного хозяйства [5, с. 157, 162–163].

Конец «школе труда» положил цикл партийно-правительственных постановлений 1930-х гг., возвративших школу в русло традиционной класно-урочной системы. В советской «школе учебы» главное внимание уделялось общеобразовательной подготовке учащихся, произошло размежевание задач общеобразовательной и профессионально-технической школы, а процесс сближения общего и профессионального образования приостановили. Трудовое обучение в 1937 г. убрали из учебного плана, а учебные мастерские в школах закрыли [10, с. 253].

В 1934 г. в СССР унифицировали организационную структуру школы, а именно установили единые типы общеобразовательных школ: начальную

(четырёхлетнюю), неполную среднюю (семилетнюю), и среднюю (десятилетнюю) [5, с. 167]. Общеобразовательная школа стала рассматриваться как ступень к профессиональному образованию. С 1932 г. вводятся предметные учебные программы, нацеленные на формирование определенной суммы знаний, умений и навыков, необходимых выпускникам для адекватной профессиональной и социальной адаптации в реалиях строительства основ социалистического общества [5, с. 157–158, 161–162]. В качестве основной формы учебной работы устанавливался урок, на котором под руководством учителя организовывалась работа учащихся с применением разнообразных методов обучения. Учитель обязывался систематически, последовательно излагать преподаваемую им дисциплину, приучая детей к работе с учебником и книгой, к самостоятельным письменным работам, к работе в кабинете, в лаборатории [5, с. 158, 162–163].

Школьная политика рассматривала школу и как субъект трансформации советского общества при осуществлении всеобщего обязательного обучения (далее – всеобуч) детей и подростков, и как средство реализации классовой политики в образовании, и как способ формирования нового человека – строителя коммунистического (социалистического) общества.

В 1920–1930-х гг. в советских республиках осуществлялся всеобуч в объеме начальной и семилетней школы и объявлялся переход к всеобучу на основе десятилетней школы в городах. Если в 1927/1928 учебном году (далее – уч. г.) в БССР действовало 5 536 школ (из них начальных – 93 %), в которых обучалось 485 тыс. учащихся (из них 76 % – в начальной школе), то в 1940/1941 уч. г. – 11 844 школы (из них начальных – 70 %) и обучалось 1 691 тыс. учащихся (из них 65 % – в неполной средней и средней школе) [6, с. 52–53]. Это привело к росту образовательного уровня общества. Грамотность населения БССР в возрасте 9–49 лет выросла с 47,4 % в 1920 г. до 80,8 % в 1939 г.; на 1 000 человек, занятых в народном хозяйстве, приходилось 113 с высшим и средним (полным и неполным) образованием [7, с. 531]. По состоянию на 1 января 1941 г. в республике в народном хозяйстве работало 28 тыс. специалистов с высшим образованием и 60 тыс. со средним специальным образованием [7, с. 539].

До середины 1930-х гг. школьная политика содержала установки классового характера, направленные на обеспечение приоритета при получении школьного образования детям рабочих и крестьян [2, с. 392–393]. Принимались меры по обеспечению малоквалифицированным рабочим, беднякам и батракам возможности посылать детей в школы и доводить их до окончания полного курса [1, с. 42–44]. Как переходная мера использовалось создание школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), фабрично-заводских семилеток (ФЗС) для занятых на производстве подростков из рабочих семей и школ крестьянской молодежи (ШКМ) – для подростков из крестьянских семей [10, с. 250]. Их выпускники получали общеобразовательную подготовку на уровне семилетки и имели право поступать в техникумы [2, с. 358–359]. Таким образом, советская школа выполняла роль социального

лифта, способствуя решению задачи формирования кадров специалистов, имевших рабоче-крестьянское происхождение.

Школьная политика была инструментом реализации задачи формирования нового человека – обладавшего мотивами и навыками поведения, основанными на чувстве коллективизма и преданности делу коммунистического строительства. Школе отводилась роль «проводника принципов коммунизма вообще», «проводника идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [цит. по: 2, с. 11]. В 1920-е гг. школа рассматривалась как основной субъект социального воспитания детей «без разлагающего влияния индивидуалистической семьи» и мелкобуржуазного окружения [цит. по: 2, с. 347]. Особое значение придавалось общественно-полезной работе, определявшей политическую направленность воспитательной деятельности, преследовавшей цели научить детей взаимодействию в процессе решения общественно значимых задач, воспитывать коллективистов, будущих членов коммунистического общества [9, с. 24–25]. В 1930-е гг. термин «социальное воспитание» заменили на термин «коммунистическое воспитание» [5, с. 158]. Содержание и механизм коммунистического воспитания был окончательно отлажен во второй половине 1930-х гг. Оно ориентировалось на формирование у учащихся научно-материалистического мировоззрения, воинствующего атеизма, сознательной дисциплины, советского патриотизма и интернационализма, коммунистической нравственности. Коммунистическое воспитание осуществлялось в процессе учебной, внеклассной и внешкольной работы с опорой на пионерскую и комсомольскую организации [10, с. 257–258]. Действенность воспитательной работы советской школы подтвердили ее выпускники, внесшие значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне и в послевоенное восстановление народного хозяйства.

Таким образом, в основе школьной политики 1920–1930-х гг. лежала базовая идея о преобразовании школы в орудие коммунистического перерождения общества. Данная идея была согласована с общими задачами социалистического строительства в стране, исходила из социально-экономической полезности и практической значимости школьного образования. Государство рассматривало советскую школу как государственное учреждение, выступавшее субъектом социальных трансформаций при решении таких задач, как формирование строителя коммунистического (социалистического) общества, осуществление всеобуча, подготовка детей и молодежи к профессиональному образованию и деятельности.

Библиографический список

1. *Балицькі, А.* Некаторыя праблемы культурнай рэвалюцыі ў галіне народнай асветы // *Асвета*. 1928. № 8. С. 37–49.

2. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский; под ред. И. Д. Давыдова и И. Г. Клабуновского. Л.: М.: Нар. ком. прос. РСФСР – ОГИЗ, 1931. 496 с.
3. Днепрова, Э. Д. Школьная политика: содержание понятия и аспекты изучения // Школа России накануне и в период революции 1905–1907 гг.: сборник научных трудов / АПН СССР, НИИ общ. педагогики; под ред. Э. Д. Днепрова, Б. К. Тебиева. М.: АПН СССР, 1985. С. 25–55.
4. На путях к методу проектов / под ред. Б. В. Игнатъева и М. В. Крупениной. М.: Работник просвещения, 1930. 223 с.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. М.: Педагогика, 1974. 559 с.
6. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сборник / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Статистика, 1971. 402 с.
7. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг.: Юбилейный статистический ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Статистика, 1972. 848 с.
8. Палітэхнічнае выхаванне. Хрэстаматыя. Ч. 1 / пад рэд. П. Панкевіча. Мн.: Бел. дзярж. выд., 1931. 240 с.
9. Плюснин-Кронин, Б. А. Новый этап. Система народного образования РСФСР и новые программы ГУСа. М.: Работник просвещения, 1925. 84 с.
10. Степашко, Л. А. Философия и история образования. М.: Флинта, 2003. 314 с.

УДК:94:2(476.6)"1939/1941"

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ И ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ЛИДЧИНЕ (1939–1941 гг.)

К. В. Жуковский

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, kostik.mi4570@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности проведения конфессиональной и национальной политики на территории Лидского района органами советской власти в предвоенный период, отношения к советским мероприятиям местного населения.

Ключевые слова: Красная армия; политика; конфессии; религия; пропаганда; «антисоветские элементы».

CONFESSIOAL AND NATIONAL POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT AND ITS IMPLEMENTATION IN LIDCHINA (1939–1941)

K. V. Zhukovsky

*Yanka Kupala Grodno State University, 22 Ozheshko str., 230023, Grodno,
kostik.mi4570@gmail.com*

The article examines the peculiarities of the implementation of confessional and national policy in the territory of the Lida district by the Soviet authorities in the pre-war period, the attitude of the local population to Soviet events.